

«“Свидетели войны” — опирающаяся на основательное научное исследование и великолепно написанная глубоко оригинальная работа. Старгардт разворачивает перед нами душераздирающий и не оставляющий никого равнодушным отчет о жизни детей в нацистскую эпоху». — Иэн Кершоу

«Необычно и захватывающе... Глубоко трогаящая и полная сочувствия реконструкция жизни детей в Европе во времена Второй мировой войны говорит сама за себя». — Ричард Овери, *Literary Review*

«Старгардт блестяще угадывает смыслы по мечтам, фрагментам воспоминаний, рисункам и предметам привязанности. Он в равной степени употребляет свое мастерство, чтобы показать трагедию детей на руинах Варшавского гетто и ужас немецких младенцев, прижимающихся к матерям в заполненных каменной пылью бомбоубежищах... Заключительная глава — одно из лучших исторических произведений о последствиях войны, которые я когда-либо читал». — Дэвид Чезарани, *Guardian*

«XXI век обещает быть не менее воинственным, чем XX, поэтому нам нужны такие произведения, как книга Старгардта, напоминающие нам и нашим лидерам, что такое на самом деле война». — Джон Кэри, *Sunday Times*

«Блестящее изображение Второй мировой войны глазами молодых людей». — *Evening Standard*, «Книги года»

«Дети — те, о ком обычно забывает история. За грохотом яростных битв, в которых полководцы решают судьбы империй, их никогда не бывает видно. Тем не менее, как показывает Николас Старгардт в душераздирающем повествовании о жизни детей при нацистах, обходить их вниманием — значит оставить историю лишь наполовину написанной. Это превосходная книга, и она рассказывает ужасную историю... Как красноречиво напоминает нам Старгардт, трагедия заключается в том, что дети всегда были частью этого уравнения и поэтому страдали». — Тревор Ройл, *Sunday Herald*

«Новая захватывающая книга Николаса Старгардта о том, что происходило с детьми Европы, жившими при нацистском режиме... Старгардт рассказывает поистине чудовищную историю: это репортаж о бесконечных скитаниях невинных по Европе и сага о жестокости, голоде, разлуке, потерях, ужасных страданиях и бесчисленных жизнях, окончившихся смертью». — Джульет Гардинер, *Daily Mail*

«Важная книга, посвященная предмету, который ранее не рассматривался должным образом... Вносит существенный вклад в наше понимание нацистского режима и его последствий... Превосходно». — Приложение к *Times Higher Education Supplement*

«Среди потока ежегодно издающихся книг о Гитлере и его войне иногда появляются шедевры. “Свидетели войны” — один из них... Доктор Старгардт написал превосходно проработанную книгу, рассмотрев труднейшие вопросы в ясном и спокойном стиле, которым он так восхищается в трудах Примо Леви». — *Oxford Times*

«Великолепно». — Беттани Хьюз, *Sunday Herald*, «Книги года»

«Обязательно к прочтению». — *Sunday Business Post*

«Выдающаяся книга, глубоко трогаящая и захватывающая, вполне способная стать современной классикой». — Уильям Д. Рубинштейн, *History Today*

«Впечатляющий объем исследования и вместе с тем захватывающее чтение, полное свежих наблюдений». — *BBC History Magazine*

НИКОЛАС СТАРГАРДТ

СВИДЕТЕЛИ ВОЙНЫ

ЖИЗНЬ ДЕТЕЙ ПРИ НАЦИСТАХ

УДК 94(430).086
ББК 63.3(4)6
С77

Nicholas Stargardt
WITNESSES OF WAR
Children's Lives under the Nazis

Перевод опубликован с согласия Jill Grinberg Literary Mngement LLC,
Aitken Alexander Associates Ltd. И The Van Lear Agency

Перевод с английского Виктории Степановой

Научный редактор: Захаров А.О., доктор исторических наук, ведущий научный
сотрудник Института востоковедения РАН

Старгардт Н.
С77 Свидетели войны : Жизнь детей при нацистах / Николас Старгардт ; [пер. с англ.
В.В. Степановой]. — М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2023. — 496 с. : ил.
ISBN 978-5-389-22610-4

Книга Николаса Старгардта, оксфордского профессора, одного из самых авторитетных историков нацизма, является уникальным исследованием, где впервые представлена социальная история нацистской Германии глазами детей. Серьезный исторический труд основан на оригинальных документах — дневниках подростков, школьных заданиях, детских рисунках из еврейского гетто Терезиенштадт и немецкой деревни в Шварцвальде, письмах из эвакуационных лагерей, исправительных учреждений, психиатрических приютов, письмах отцам на фронт и даже воспоминаниях о детских играх. Среди персонажей книги — чешско-еврейский мальчик из Терезиенштадта и Освенцима, немецкий подросток из Восточной Пруссии, две еврейские девочки из Варшавского гетто, немецкая школьница из социалистической семьи в Берлине, два подростка из гитлерюгенда, еврейский мальчик из Лодзи.

Профессор Старгардт утверждает, что воспоминания о нацистской Германии разделили детей на две группы: на тех, кто воспринимал жизнь в ней как нормальную, и тех, у кого она вызывала ужас. Именно поэтому точные события, которые они запомнили, имеют огромное значение. Автор разрушает стереотипы о жертвенности и травмах, чтобы рассказать нам захватывающие личные истории, истории поколения, созданного Гитлером.

УДК 94(430).086
ББК 63.3(4)6

ISBN 978-5-389-22610-4

© Nicholas Stargardt, 2005
© Степанова В.В., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2023
КоЛибри®

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарность	7
Право на имя	11
Действующие лица	13
Введение	14
Часть I. ДОМАШНИЙ ФРОНТ	
1. Немцы на войне	33
2. Дисциплинированная молодежь	68
3. Медицинские убийства	93
Часть II. РАСОВАЯ ВОЙНА	
4. Жизненное пространство (Lebensraum)	117
5. Великий крестовый поход	151
6. Депортация	181
7. «Семейный лагерь»	210
Часть III. ВОЙНА ПРИХОДИТ В ДОМ	
8. Бомбардировки	241
9. Вынужденное бегство	271
10. Последняя жертва	303
Часть IV. ЧТО БЫЛО ПОТОМ	
11. Побежденные	329
12. Освобожденные	359

НИКОЛАС СТАРГАРДТ

Примечания	390
Словарь топонимов	458
Архивные источники	462
Избранная библиография	463
Список карт	494

БЛАГОДАРНОСТЬ

Весной 1994 г. я посетил Еврейский музей в Праге, чтобы изучить коллекцию рисунков детей из нацистского гетто Терезиенштадт. Некоторые рисунки я уже видел годом ранее на небольшой выставке в Праге, посвященной уничтожению чешских евреев, другие знал по публикациям музея. Но я понятия не имел, сколько их на самом деле и насколько они разнообразны. Одни были нарисованы на упаковочной бумаге, другие на старых чешских бланках, оставшихся с тех времен, когда город был военным гарнизоном. Краски на них были не такими яркими, как на репродукциях, которые я видел, — напрашивался обманчивый вывод, что дети в еврейском гетто выбирали для выражения своих эмоций определенные цвета, хотя в действительности они просто использовали те, которые были им доступны. Меня глубоко заинтересовали карандашные наброски сцен из повседневной жизни детей, большая часть которых нигде не выставлялась. Чтобы разобраться в них, требовалось гораздо больше узнать о том, в каких условиях жили дети, и здесь мне на помощь пришли двое ученых, в детстве также прошедших концлагеря: Анита Франкова в Праге и Эрик Полак в Терезине оказались бесценными проводниками по архивным записям гетто.

Эта первая попытка выяснить, что значит писать историю с точки зрения ребенка, убедила меня в том, что дело того стоит, и мне стало интересно, какие существуют источники о других группах детей, живших в тот же период в нацистской Германии. Годовой отпуск в Германии в 1997–1998 годах дал мне возможность выяснить это. Некоторые зацепки не сработали: изучая документы дорожной полиции за 1930-е и 1940-е годы в попытке выяснить, как играли дети, когда попадали в уличные аварии, я потратил слишком

много времени и сил, чтобы проверить то, о чем хорошо помнили многие мемуаристы. Иногда случайные встречи приводили к необычным находкам, таким как личные дела детей, помещенных в попечительские заведения, или обширная частная коллекция документов, собранная писателем Вальтером Кемповски. Повсюду меня встречали щедрая помощь и любопытство, — многих удивляло, почему человек, явно не немец и не из поколения детей войны, хочет узнать такие вещи. Многие из моих старших немецких коллег спонтанно делились своими детскими воспоминаниями, которые остались со мной и помогли по-новому взглянуть на источники, которые я изучал. Невозможно читать письма детей к родителям из исправительных учреждений или эвакуационных интернатов и не задаться вопросом, каково это — поддерживать семейные отношения в периоды длительной разлуки. И здесь я в большом долгу перед моим сыном Анандом, который с самого начала вдохновлял меня, невзирая на разделяющие нас расстояния.

Сознательно решив взяться за разработку ранее не получившей глубокого исследования исторической проблемы, я знал, что это потребует времени, и я благодарен ряду институтов за то, что они сделали это возможным. Центрально-Европейский университет оплатил мое пребывание в Праге, а Австралийский национальный университет — поездку в Канберру. Фонд Александра фон Гумбольдта финансировал год работы в Институте истории Макса Планка и Геттингенском университете. Условия академического отпуска в Ройял-Холлоуэй (Лондонский университет), Колледже Магдалины и на факультете современной истории в Оксфорде, а также творческого отпуска, финансируемого Советом по исследованию искусств и гуманитарных наук, дали мне достаточно времени, чтобы начать работу над книгой. Годовая исследовательская стипендия от Британской академии позволила завершить работу над обширным первичным черновиком. Я также хотел бы поблагодарить редакторов *Past & Present* за разрешение использовать материал, который они впервые опубликовали в моей статье о детском творчестве времен Холокоста.

Как все длительные начинания, этот проект не раз преображался под влиянием многих людей. Дискуссии со студентами, коллегами и друзьями из Великобритании, Австралии, Германии, Израиля, Швейцарии и Австрии расширили мое понимание нацистского периода и истории детства и многому научили меня, показав, на какие вопросы история может ответить, а какие должны оставаться открытыми. В частности, я хотел бы поблагодарить следующих людей (надеюсь, они узнают какую-то часть себя в этой книге): Линн Абрамс, Шарлотта Аппель, Стефан Бергер, Ричард Босворт, Рут Боттигхаймер, Лоуренс Броклисс, Кэтрин Кларк, Мартин Конвей, Мартин Дин, Нинг

де Коннинг-Смит, Ниалл Фергюсон, Кэтрин Фицгерберт, Энтони Флетчер, Джулиан Ферст, Мэри Фулбрук, Сол Фридендер, Роберт Гилдеа, Хелен Грэм, Эбигейл Грин, Юэн Грин, Валентин Грѐбнер, Атина Гроссманн, Ребекка Хаббермас, Криста Хаммерле, Энтони Харрис, Лиз Харви, Паула Хилл, Герхард Хиршфельд, Игаль Хоффнер, Георг и Вильма Иггерс, Иэн Кершоу, Хартмут и Силке Леманн, Петер Лонгерих, Венди Лоуэр, Хельга и Альф Людтке, Петра Лутц, Гай Маршал, Ганс Меддик, Ганс Моммзен, Джон Найтингейл, Джереми Ноукс, Билл Новак, Ричард Овери, Йоханнес Паульманн, Дэниел Пик, Александр фон Плато, Хартмут Погге фон Страндман, Майк Роупер, Улинка Рублак, Давид Сабван, Карен Шонвальдер, Райнхард Зидер, Гарет Стедман Джонс, Виллибальд Стейнмец, Корнелия Усборн, Ник Вахсман, Том Вебер и Пол Вейндлинг. Джейн Каплан, Ричард Эванс, Джен Ламбертц и Адам Туз щедро комментировали черновики отдельных глав, а Джен также поделилась со мной материалами, которые обнаружила в ходе собственного исследования в архивах ООН. Будь мой отец жив, ему, наверное, показалось бы странным видеть те части мира, в которых он вырос, моими глазами. Но, посвятив свою жизнь изучению других культур, они с мамой дали мне самую вескую причину полагать, что подобное интеллектуальное любопытство само по себе действует жизнеутверждающе.

Неоценимую помощь мне оказали некоторые архивариусы и библиотекари, в особенности Анита Франкова и Михаэла Хайкова в Праге, Анна-Мария Клаук и Кристоф Шонбергер в Лондоне, Гюнтер Мюллер в Вене, Кристина Ванья в Касселе и Петер Видман в Берлине. И я в особом долгу перед Вальтером и Хильдегард Кемповски, которые открыли для меня свой дом и бесценный личный архив, работать в котором мне помогал Дирк Гемпель. Я многое узнал от своей бывшей аспирантки Ширли Гилберт, изучавшей музыку в гетто и лагерях. Она разыскала и перевела на идиш песни, которые я использовал в своей работе, и проверила всю рукопись. На последних этапах мне очень пригодилась помощь Зофии Стемпловской с польскими материалами и составленный ею словарь топонимов. Джулия фон дем Кнезбек и Анна Менге обнаружили последние несколько второстепенных работ на немецком языке, а Анна составила по моим заметкам библиографию. Анна, Зофия и Эбигейл Канделас помогли мне с окончательной проверкой рукописи.

Клэр Александер, мой литературный агент, взялась за эту книгу с интуитивным пониманием того, что я пытался сделать, и с мудростью, которую дает целая жизнь, посвященная работе с рукописями и их авторами. Салли Райли превратила поиск издателей, готовых переводить книгу на другие языки, в увлекательное приключение. Мне очень повезло с моими редакторами.

Уилла Салкина и Йорга Хенсгена из *Jonathan Cape* объединяет любовь к книгам и страсть к спорам и новым идеям — результатом стала прекрасная совместная работа вплоть до последней записи в указателе. Розалинда Портер неизменно успешно справлялась со всеми запросами, выпускающий редактор Ильза Ярдли отнеслась к тексту с пристальным вниманием, а Том Дрейк-Ли стал лучшим проводником по другой стороне издательского дома.

Когда я написал свою первую книгу, то был слишком застенчив, чтобы кому-то ее показывать. С этой книгой мне повезло — у меня нашлись друзья, готовые прочитать ее всю целиком. Розамунд Бартлетт, Дик Бессел, Этьен Франсуа, Рут Харрис, Хайнц Любаш, Иэн Пирс, Линдал Ропер, Марк Розман, Ричард Шеппард и Бернд Вайсброд — все они пустили в ход свои разные и такие потрясающие умения, и каждый нашел ошибки, которых не заметили остальные. И все они подталкивали меня в нужном направлении, напоминая всякий раз, что я должен ставить на первое место детей, когда обширный контекст Второй мировой войны и нацизма угрожал изменить ход повествования. Я знаю, что без их критики эта книга была бы намного хуже. И без их дружбы и поддержки мне, возможно, не удалось бы переписать ее еще раз.

Еще больше я обязан Рут, Иэну и Линдалу: за последние десять лет они прочитали и услышали об этом периоде истории намного больше, чем когда-либо хотели, и помогли мне лучше понять, что именно я пытаюсь сказать. Приступая к работе, я задавался вопросом, можно ли считать детский опыт «настоящей» историей. Мой партнер Линдал Ропер дала мне самый лучший совет: работай над тем, что тебе действительно важно. За прошедшие годы я очень многому научился у нее, и вряд ли смогу когда-нибудь сполна ее за это поблагодарить. Именно Линдал и моим сыновьям Ананду и Сэму, которые постоянно напоминали мне, каким свежим взглядом дети смотрят на мир, я посвящаю эту книгу.

Николас Старгардт

ПРАВО НА ИМЯ

Обладание собственным именем — одна из наиболее элементарных форм индивидуального самосознания. Узникам Освенцима [Аушвица] имя заменял вытатуированный на предплечье номер, и сохранение памяти о Холокосте не в последнюю очередь связано с возвращением имен жертвам нацистского геноцида — только это позволяет по-настоящему вспоминать их как людей. В некоторых случаях их имена менялись при переводе на другие языки и переходе в другие юрисдикции. Там, где это возможно, я сохранял те имена, которыми люди пользовались в описываемый период времени: например, Мэри Берг, под этим именем она стала известна, когда опубликовала свой дневник в Нью-Йорке в 1945 г., здесь упоминается как Мириам Ваттенберг, это имя она носила в Варшавском гетто.

Я хотел бы назвать поименно всех детей в этой книге. Но этому не суждено было случиться. Федеральный закон Германии о персональных данных защищает личность человека на протяжении всей его жизни и жизни его ближайших родственников. Этот запрет, не позволяющий раскрывать настоящие имена людей, создает технические сложности для каждого историка, намеренного одинаково объективно относиться ко всем своим героям. Нельзя называть имена не только бывших членов гитлерюгенда. Запрет распространяется также на имена детей-пациентов, убитых в психиатрических лечебницах Третьего рейха, — они остаются анонимными жертвами Холокоста. В этой книге появляется множество детей, и многих из них зовут одинаково, и если бы я называл их просто по имени, это вызвало бы путаницу. Поэтому для детей (в основном немецких и австрийских), чью личность защищает упомянутый выше закон, мне пришлось придумать псевдонимы. В таких случаях

я сохранял исходное личное имя и выбирал фамилию, начинающуюся с той же буквы и происходящую из той же области Германии. Читатель может легко установить, в каких случаях это было сделано, ознакомившись с концевыми сносками: например, Дирк Зиверт в примечаниях превращается в Дирка З. — инициал указывает, что имя в тексте является псевдонимом. В тех немногих случаях, когда мне не удалось установить фамилию (обычно в случае, когда сведения были получены из другой публикации, где человек уже фигурировал анонимно), я просто использовал личное имя само по себе.

С названиями населенных пунктов дело обстоит ничуть не проще, чем с именами людей. Города на протяжении веков нередко меняли названия в зависимости от того, на каком языке говорило их многонациональное население или в чью политическую юрисдикцию они попадали. Решение в духе реалистического кино, где каждый говорит на своем языке и называет место по-своему, несомненно, озадачило бы читателя, хотя альтернативный вариант, в котором немцы называли бы город Познанью, а поляки — Позеном, звучит не лучше. В общем и целом я старался придерживаться тех названий, которые в тот или иной период использовали официальные власти: так, Терезиенштадту в 1945 г. вернули его чешское название Терезин. Особенно сложный случай представляет собой Польша с историей ее разделов между крупными державами и изменения границ в 1939–1945 гг. Для периодов до начала немецкой оккупации и после освобождения я использую польские названия мест. Для периода немецкой оккупации я в большинстве случаев использую польские названия для городов Генерал-губернаторства на территории Центральной Польши и немецкие названия для областей, формально присоединенных к Великому германскому рейху. Однако я сделал два исключения из этого правила для Лодзи и Гдыни, сохранив для них польские названия, поскольку их нацистские названия Лицманштадт и Готенхафен не имели никакой предыдущей истории: Гдыня была построена в 1920-х гг., чтобы обеспечить Польше порт на Балтийском море, а Лодзь проживающее в этом городе немецкое меньшинство до 1939 г. всегда называло Лодшем. Литовский город Вильнюс, или Вильно, как он назывался во времена польского правления в 1920-х и 1930-х гг., я всегда называю на идише, поскольку в повествовании чаще всего фигурирует именно еврейская Вильна. Ради простоты я также не пытался русифицировать названия городов Восточной Польши для периода 1939–1941 гг. Надеюсь, большинство недоразумений читатели смогут прояснить, сверившись с картами и глоссарием географических названий, а мне придется лишь извиниться за любые оставшиеся ошибки. Имена не нейтральны — работая над этой книгой, я обнаружил, что право давать людям и местам имена остается неотъемлемой частью наследия Второй мировой войны.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

- Иегуда Бэкон* — чешско-еврейский мальчик из Терезина и Освенцима
Мартин Бергау — немецкий подросток из Пальмникена (Восточная Пруссия)
Лотар Карстен — член гитлерюгенда из Вупперталя
Янина Давид — еврейская девочка из Варшавского гетто
Томас Геве — еврейский мальчик из Берлина, перевезенный в Освенцим
Лизелотта Гюнцель — немецкая школьница из семьи социалистов в Берлине
Янина — польская девочка из села Борова-Гора
Ванда Пшибыльская — польская девочка из Варшавы
Клаус Зайдель — член гитлерюгенда и помощник ПВО люфтваффе из Гамбурга
Давид Сераковяк — еврейский мальчик из Лодзи
Дирк Зиверт — шестиклассник из Оснабрюка (в начале войны)
Фриц Тайлен — подросток из Кельна, член движения «Пираты Эдельвейса»
Уве Тимм — малолетний ребенок из Гамбурга и Кобурга
Мириам Ваттенберг — еврейская девочка из Варшавского гетто

ВВЕДЕНИЕ

Оглядываясь на свое детство, Катрин Тиле никак не могла свести воедино счастливые личные воспоминания и то, что ей стало известно о нацистской Германии. «Неужели все нацисты, которых я знала, — почти все, кого я любила, — действительно были такими отвратительными извергами, как их стали изображать позднее?» — думала она. Катрин, как и многим другим детям ее поколения, попросту не удалось поставить в один ряд неопровержимые свидетельства массовых убийств с теми нацистскими идеалами, которые ее «приучили чтить, с такими понятиями, как самопожертвование и верность долгу» [1].

Окончание войны резко разрушило стабильную и благоустроенную жизнь семьи Катрин. Ее отец при нацистах 12 лет служил чиновником, а затем офицером вермахта, и теперь его преследовали американские военные и немецкая гражданская полиция. Арестованный и интернированный по совершенно непонятным Катрин причинам, он на следующие три года исчез из ее жизни. Тем временем ее мать, родившуюся в Лондоне незадолго до Первой мировой войны, «репатриировали» вместе с двумя детьми в страну, которую они считали своим национальным врагом. В 1946 г. десятилетняя девочка покинула Германию и переехала в Великобританию, в одночасье превратившись из Катрин Тиле в Кей Норрис. Со сменой имени пришла полная смена разговорного языка, национальной идентичности, допустимых тем для беседы и социальной системы координат. Кей постепенно училась быть английской школьницей. Воспоминания, в основном связанные с войной, которая началась, когда ей было всего три года, оставались вынужденно запертыми в ее сознании до тех пор, пока не настало такое время, когда она смогла обратиться к ним без лишних опасений.

Хотя родители Катрин позднее развелись, ей еще дважды выпадала возможность увидеться с отцом и разобраться в причинах внезапного разрушения их семьи. В 1949 г., когда ей исполнилось 13 лет, она вместе со своим старшим братом Удо приехала к отцу и его новой жене на выходные в рождественские каникулы. Это было во многих смыслах счастливое воссоединение, и вместе с тем оно глубоко потрясло ее. Ее немецкий и ее эмоциональные отношения с отцом словно застыли в тот момент, когда она уехала из страны три года назад. Она не могла внятно выразить приобретенные в Англии новые взгляды и идеи, а он, казалось, был только рад относиться к ней как к маленькой девочке, которую видел в последний раз. Он и выглядел совсем не так, как в ее воспоминаниях и воображении. Исчез затянутый в униформу бодрый мужчина с острыми чертами лица, фанатично преданный делу и учивший этому своих детей. Но он не был и сломленным, отчаявшимся узником, которого Катрин представляла себе в те два года, пока его держали под стражей. Вместо этого перед ней предстал лысеющий мужчина, несколько располневший и потрепанный жизнью, но, похоже, отнюдь не нуждавшийся в ее помощи. Он начал все заново, нашел хорошую работу и поселился в очаровательном доме в Гарце с красивой женщиной, старой подругой семьи, которая давно обожала его.

Катрин обнаружила, что больше не понимает взглядов своего отца. Что случилось с теми внутренними убеждениями, которые он так старательно прививал своим детям? Даже в 1956 г., приехав навестить его в первое лето своей учебы в Оксфорде, она осознала, что снова возвращается к эмоциональному сценарию «папа и его маленькая девочка». От его прежнего нацистского «я» осталась лишь глубокая ностальгия по Третьему рейху, особенно по тому времени, когда он был солдатом; и он отказывался принять масштабы геноцида евреев. Обосновавшись в Канаде, он, казалось, просто поставил перед собой новые цели и превратился в еще одного трудолюбивого и энергичного члена сообщества немецких иммигрантов. Она чувствовала себя непонятой. Он как будто не осознавал, что его дочь осталась верна тем принципам, которые он ей прививал. Там, где она узнавала нацистские коллективные добродетели — *Pflicht, Treue, Wille, Volk* (долг, верность, воля и служение нации) — в таких одобряемых английских качествах, как ответственность, честность, твердость духа и стремление сделать мир лучше, он высмеивал ее мечтательный идеализм. Оказавшись в двух англоязычных странах по разные стороны Атлантического океана, поколение, создавшее нацистскую Германию, и поколение, созданное ею, были так далеки друг от друга, как только могут быть далеки любящие отец и дочь [2].

Пожалуй, в каком-то смысле опыт Катрин отличался от опыта ее оставшихся в Германии сверстников не так сильно, как ей казалось. Многие

немецкие дети войны обнаружили, что им непросто общаться с родителями, особенно восстанавливать эмоциональный контакт с отцами, в 1939–1948 гг. находившимися на войне или в лагерях для военнопленных. В 1950-е гг. в немецких семьях было принято избегать многих тем. Это поколение детей Третий рейх отметил сильнее прочих. Мужчины и женщины, которые пронесли свастику по всей Европе, могли обратиться к собственным детским воспоминаниям, не затронутым нацистскими лозунгами и эмблемами. Многим, как отцу Катрин, впоследствии оказалось проще отбросить ценности и цели, не способствовавшие успеху в послевоенном мире. Но их дети не знали никакого другого мира, и в период становления личности усваивали нацистские ценности и изречения точно так же, как наставления о необходимости тщательно умываться, опрятно одеваться и быть вежливыми. Неудивительно, что после войны представители этого поколения чувствовали, будто любая серьезная конфронтация с миром, к созданию которого приложили руку их родители, угрожает их самосознанию и представлениям о себе как о взрослых ответственных личностях. Многим оказалось легче продолжать исполнять свой долг и служить нации в новых учреждениях Восточной и Западной Германии [3].

В сущности, Катрин не пыталась вспомнить и изучить историю своей семьи вплоть до начала 1990-х гг. В этом смысле она не слишком отличалась от своего поколения. И дети тех, кто сочувствовал нацистам, и еврейские дети, пережившие гетто и концлагеря в ходе «окончательного решения еврейского вопроса», нередко писали мемуары, только выйдя на пенсию и задавшись вопросом, как рассказать внукам о тех событиях, которые они нередко старались скрыть от своих детей.

В 1988 г. жители Западной Германии отметили пятидесятилетие годовщины «Хрустальной ночи» — нацистского антиеврейского погрома в ночь на 9 ноября 1938 г., ознаменовавшегося массовым насилием, убийствами, поджогами синагог и разграблением квартир и магазинов, когда погибло около ста человек, а 25 000 мужчин-евреев затем были отправлены в концлагеря. В 1988 г. правительство Западной Германии довольно неловким и неуклюжим образом попыталось организовать общенациональные мемориальные мероприятия, и местные власти во многих областях подхватили эту инициативу. В эти дни Лоре Вальб, известную журналистку из Южной Германии, чаще обычного преследовали сны о евреях. В повторяющемся сне она снова становилась молодой студенткой из Гейдельберга во время войны, и у нее на пороге внезапно появлялся школьный одноклассник-еврей, умолявший пустить его к себе хотя бы на день или два. Каждый раз Лоре Вальб просыпалась, так и не

приняв никакого решения. Дочь убежденных нацистов, она никак не пострадала во время войны, а вскоре после ее окончания начала карьеру на радио в Южной Германии.

27 ноября 1988 г., меньше чем через три недели после основных мероприятий в память о «Хрустальной ночи», она записала в дневнике другой сон. В нем она снова была молодой женщиной и шла по улице рядом с пожилым евреем с узким благообразным лицом и бородкой клинышком, в длинном пальто и широкополой шляпе. Положив руку на его костлявое плечо и склонив к нему голову, она сказала, едва не плача от облегчения и радости: «Я так рада, что ты вернулся». Как многие другие сны, порожденные несбыточными желаниями, этот сон обозначал проблему, но не предлагал никакого ее решения. Евреи не вернулись, и она не могла просить у них прощения. И сама она еще не посчиталась с собой и не простила себя. Но вместо того, чтобы закрыть эту главу своей жизни, 69-летняя женщина решила отправиться в мысленное путешествие, которое она многозначительно назвала «станциями на пути работы памяти» [4].

Результатом этого путешествия стало своего рода публичное признание в форме частного самоанализа, в котором пожилая женщина перечитывала и комментировала собственные подростковые дневники. К дневникам прилагался семейный фотоальбом, запечатлевший тот славный момент в 1932 г., когда она тринадцатилетняя стояла перед фюрером на местном стадионе под взглядами 25-тысячной толпы. И еще один публичный момент в ноябре 1933 г., когда в честь десятой годовщины гитлеровского «Пивного путча» она читала в аудитории стихи перед старшими чиновниками провинциального Департамента образования. Когда началась война, Лоре Вальб поступила в университет. Вместе с подавляющим большинством немцев она приветствовала падение Франции в июне 1940 г., и так же, как все, возмущалась Британией, продолжавшей бессмысленно затягивать войну. «На этот раз фюреру не следует проявлять излишнюю гуманность, — писала она 17 июня. — На этот раз ему стоит сделать англичанам серьезное предупреждение, ведь они одни повинны во всех несчастьях и страданиях, обрушившихся на разные народы».

Перечитывая собственные записи, Лоре Вальб осознала, что у нее не было никакого внутреннего барьера, способного помешать ей впитывать и усваивать ключевые тезисы нацистской пропаганды. После нападения на Советский Союз она лишь вскользь упомянула о гибели юношей из числа своих друзей, уделив намного больше внимания военному и политическому значению целей, за которые они погибли. «Большевизм» и «русские недочеловеки», «баснословные успехи Японии» против Тихоокеанского флота

Соединенных Штатов, собственные мысли о том, как уговорить мать позволить ей поступить в докторантуру, сочувствие к немецким солдатам, замерзающим на Восточном фронте, — клише громоздились одно поверх другого на каждой странице. На каждом шагу она заимствовала из средств массовой информации ключевые фразы, необходимые для осмысления событий, и под видом личных размышлений излагала лозунги и сентенции Геббельса. Полвека спустя, находясь в системе совершенно противоположных ценностей и истин другой эпохи, она снова столкнулась с собственным, внешне ничем не примечательным нацистским прошлым и испытала глубокое моральное потрясение [5].

Дневник Лоре Вальб исчерпывающе раскрывает ту внутреннюю нравственную вовлеченность, избавиться от которой после войны Катрин Тиле оказалось гораздо труднее, чем от собственного имени, национальности и языка. Даже в самом конце войны, когда Вальб узнала, что ее родной город сдали французам, чтобы избежать дальнейшего кровопролития, она писала об этом не с облегчением, а с разочарованием. Что бы ни подсказывал разум, глубоко в душе она продолжала цепляться за романтические идеалы верности и национальной жертвы. Когда местные власти, наконец, подняли белый флаг, она почувствовала «глубокий стыд и унижение». В письме от 26 апреля 1945 г. она оплакивала «миллионы солдат, которые много лет сражались и до сих пор продолжают сражаться на фронте впустую». В тот момент все казалось нелепым и бессмысленным [6].

Размышляя обо всем, что ей стало известно за десятилетия после войны и чего не было в ее дневнике, — например, о сотнях тысяч узников концлагерей, отправленных тюремщиками в бессмысленные «марши смерти» в последние месяцы войны, — Лоре Вальб пыталась представить себе страдания тех, кому посчастливилось выжить. И все же, когда она думала о войне, перед ее мысленным взором первыми возникали лица погибших молодых немцев: Рольфа, Пюнтера, братьев Герхарда и Хайнца и ее жениха Вальтера, убитого в последнюю неделю войны во время боев в Вене. Как у многих женщин, родившихся в 1909–1929 гг., у Лоре Вальб имелась еще одна причина вспоминать их. Им больше не за кого было выходить замуж [7].

В один из выходных дней в марте 1988 г. Мартин Бергау и другие выросшие дети войны собрались на тихую встречу в Кельне. Это собрание устраивали каждый год для семей из Пальмникена, города в бывшей Восточной Пруссии на Земландском полуострове. Большинство из них бежало на Запад, спасаясь от Красной армии, в 1945 г., другие уехали позднее. Среди приглашенных Бергау встретил женщину, которая напомнила ему о событиях, свидетелем

которых он стал, будучи пятнадцатилетним членом гитлерюгенда, в те роковые дни начала 1945 г. Мать этой женщины, Берта Пулвер, спрятала у себя молодую еврейку, выжившую во время расправы над узниками концлагеря (преимущественно евреями), которую эсэсовцы устроили на берегу замерзшего Балтийского моря при помощи местных ополченцев из фольксштурма. Часть женщин бежали с берега, но эсэсовцы и местные ополченцы бросились за ними в погоню. Бергау и группу его друзей-подростков из гитлерюгенда, также входивших в состав фольксштурма и носивших оружие, вызвали к заброшенной шахте, чтобы помочь СС охранять строй еврейских женщин, которых попарно уводили за угол здания. Бергау слышал выстрелы двух убивавших их эсэсовцев. Наконец очередь стала такой короткой, что пятнадцатилетний Бергау тоже зашел за угол вместе с последними женщинами. Наблюдая за казнью, он увидел, как один его товарищ из гитлерюгенда вышагивает среди распростертых тел и стреляет из револьвера в тех, кто еще двигался. Скрыться от преследователей и не погибнуть в боине на льду удалось лишь нескольким женщинам. Одной из них была та молодая еврейка, которую спрятала Берта Пулвер [8].

Случайная встреча с дочерью Берты Пулвер побудила Мартина Бергау начать работу над мемуарами о военных годах и о собственном трехлетнем пребывании в плену в Советском Союзе. Хотя в то время в обществе Германии господствовала рефлекторная реакция отторжения — многие уверяли, что ничего не слышали и не знали ни о каких лагерях и убийствах, — Бергау скрупулезно изложил происходившее у него на глазах истребление узников концлагеря. Он направил запрос в архивы Яд Вашем в Иерусалиме и опубликовал полученные из архива показания выживших в специальном приложении к своим мемуарам. Бестселлером его книга не стала.

Мартин Бергау, единственный из упомянутых трех немецких мемуаристов, в подростковом возрасте оказался непосредственно вовлечен в кровопролитные события конца войны. Его достижение заключается в том, что он сумел зафиксировать собственную внутреннюю приверженность делу Германии, хотя он не подвергал этот вопрос более глубокому разбору. Чувство вины Лоре Вальб проистекало из осознания того факта, что она, талантливый подросток и молодая женщина, добровольно приняла заповеди и цели нацизма и оставалась верной им до конца. Чувство вины повзрослевшей Катрин Тиле подпитывалось не тем, что она сама делала во время войны (тогда она была совсем еще ребенком), а опасениями по поводу того, в чем мог быть замешан ее отец, чтобы его потом арестовали. Историки, начавшие опрашивать детей Третьего рейха в 1980-х гг., также уделяли немало внимания чувству вины, с которым пытались разобраться Катрин Тиле, Лоре Вальб

Научно-популярное издание

Старгардт Николас

СВИДЕТЕЛИ ВОЙНЫ

Жизнь детей при нацистах

Ответственный редактор А. Мотина

Редактор А. Захаров

Художественный редактор М. Левыкин

Технический редактор Л. Синицына

Корректоры О. Левина, П. Шевнина

Компьютерная верстка О. Храмова

Изображения нацистских и фашистских символов и фотографии политических лидеров соответствующих взглядов в этом издании не являются пропагандой нацизма, а публикуются исключительно в просветительских и образовательных целях.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака «КоЛибри»
115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Подписано в печать 30.11.2023. Формат 72 × 100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура «Original Garamond».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 41,23.
Тираж 10 000 экз. В-НМА-31587-01-Р. Заказ №